

Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России

Н.В. Муращенкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

В.В. Гриценко

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ)
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

М.Н. Ефременкова

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, e-mail: mnemema@yandex.ru

Н.В. Калинина

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
(ФГБОУ ВО «РГУ имени А.Н. Косыгина»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3619-7215>, e-mail: kalinata66@mail.ru

Е.В. Кулеш

Тихоокеанский государственный университет (ФГБОУ ВО «ТОГУ»), г. Хабаровск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

В.В. Константинов

Пензенский государственный университет (ФГБОУ ВО «ПГУ»), г. Пенза, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

С.Д. Гуриева

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО «СПбГУ»),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: gurievasv@gmail.com

А.Ю. Маленова

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
(ФГБОУ ВО «ОмГУ имени Ф.М. Достоевского») г. Омск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>, e-mail: malyonova@mail.ru

Исследование направлено на изучение особенностей связей когнитивного и эмоционального компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей с эмиграционной активностью студентов — граждан Беларуси (n=208), Казахстана (n=200) и России (n=250) в возрасте от 18 до 25 лет. Эмиграционная активность оценивалась с помощью 6 разработанных утверждений. Для измерения этнической идентичности использовалась «Методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности» А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой, для оценки гражданской и глобальной идентичностей — методика «Идентификация с человечеством» С. МакФарленда в адаптации Т.А. Нестика. У студентов Беларуси предиктором эмиграционных намерений выступает негативная оценка собственной этнической принадлежности. У студентов Казахстана и России эмиграционные намерения связаны с позитивным отношением к глобальному сообществу людей в целом и негативным отношением

ем к гражданам своей страны. Наряду с этим российские студенты с выраженными эмиграционными намерениями имеют размытые представления о собственной этнической принадлежности. Поведение по реализации эмиграционных намерений у студентов Беларуси связано с негативным отношением к гражданам своей страны и к собственной этнической принадлежности. У студентов России данное поведение тоже связано с негативным отношением к гражданам своей страны, но в сочетании с позитивным отношением к глобальному сообществу людей в целом. У казахстанских студентов статистически значимых связей в данном случае не обнаружено. Результаты подтверждают значимость учета гражданского и социокультурного контекстов при профилактике эмиграционного поведения молодежи.

Ключевые слова: эмиграционная активность, эмиграционное намерение, эмиграционное поведение, этническая идентичность, гражданская идентичность, глобальная идентичность, студенческая молодежь, белорусские студенты, казахстанские студенты, российские студенты.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ».

Для цитаты: *Мурашченкова Н.В., Грищенко В.В., Ефременкова М.Н., Калинина Н.В., Кулеш Е.В., Константинов В.В., Гуриева С.Д., Маленова А.Ю.* Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 3. С. 113–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>

Ethnic, Civic, and Global Identities as Predictors of Emigration Activity of Student Youth in Belarus, Kazakhstan, and Russia

Nadezhda V. Murashcenkova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3345-6789>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Maria N. Efremenkova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, e-mail: mnemema@yandex.ru

Natalia V. Kalinina

Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3619-7215>, e-mail: kalinata66@mail.ru

Elena V. Kulesh

Pacific State University, Khabarovsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Vsevolod V. Konstantinov

Penza State University, Penza, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Svetlana D. Gurieva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-4305-432X, e-mail: tausenevams@gmail.com

Arina Yu. Malenova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>, e-mail: malyonova@mail.ru

The objective of this research is to assess the characteristics of the relationships between the cognitive and emotional components of ethnic, civic, and global identities with the emigration activity among students of Belarus (n=208), Kazakhstan (n=200), and Russia (n=250) aged 18 to 25 years. The assessment of emigration activity was carried out using six items. To measure identity types, we used the Questionnaire for assessing the positivity and uncertainty of ethnic identity by A.N. Tatarko and N.M. Lebedeva and the Identification with All Humanity Scale by S. McFarland in adaptation of T.A. Nestik. The negative assessment of one's own ethnicity is a predictor to emigration intentions among Belarusian students. Students in Kazakhstan and Russia have emigration intentions connected with a positive attitude towards the global community of people and a negative attitude towards citizens of their countries. In addition, Russian students with a high level of emigration intentions have imprecise representations of their own ethnicity. Emigration behavior of Belarusian students have links with negative attitudes towards the citizens of their country and towards their own ethnic affiliation. In Russian students, this behavior is also associated with a negative attitude towards the citizens of their country, but combined with a positive attitude towards the global community of people. Kazakhstani students have no statistically significant links in this case. The results confirm the importance of taking into account the civic and sociocultural contexts when organizing activities to prevent the emigration behavior of youth.

Keywords: emigration activity, emigration intention, emigration behavior, ethnic identity, civic identity, global identity, student youth, Belarusian students, Kazakhstani students, Russian students.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00156 «Social and psychological space of emigration intentions of youth: cross-cultural analysis».

For citation: Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Efremenkova M.N., Kalinina N.V., Kulesh E.V., Konstantinov V.V., Gurieva S.D., Malenova A.Yu. Ethnic, Civic, and Global Identities as Predictors of Emigration Activity of Student Youth in Belarus, Kazakhstan, and Russia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 3, pp. 113–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>

Введение

Актуальность изучения социальной идентичности как фактора эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России связана с ростом эмиграционной мобильности молодого трудоспособного населения в странах постсоветского пространства и с необходимостью определения путей сохранения ценного человеческого капитала данными странами. Нередко при изучении эмиграционной активности исследователи обращаются к теории запланированного поведения А. Айзена [14], согласно которой намерение — это фактор готовности к определенному поведению. Намерение может выступать индикатором или предсказателем эмиграционного поведения [19]. Однако эмиграционное намерение не всегда реализуется в соответствующем поведении, что позволяет предположить наличие разных факторов, влияющих на переход намерения в действие. При этом научную значимость приобретает изучение роли не столько отдельных факторов, сколько целостной структуры социально-психологического пространства, в котором формируются эмиграционные намерения молодежи [7]. Важен также анализ предикторов эмиграционной активности в кросс-культурном контексте, так как их вклад в развитие эмиграционного поведения может различаться в культурных средах.

В условиях стремительно происходящих в мире изменений, когда индивид остро нуждается в идентификации с группами, в поддержке и опоре, в позитивном самоопределении и самоуважении, значимым

становится анализ таких факторов эмиграционной активности, как различные типы социальной идентичности [2; 8]. Позитивное представление о той или иной социальной группе, удовлетворенность членством в ней, желание принадлежать ей дают индивиду ощущение психологической безопасности и стабильности [18]. Если же группа, к которой принадлежит индивид, утрачивает для него свою привлекательность и/или имеет низкий социальный статус, он может стремиться дистанцироваться от нее, как психологически, так и физически, в том числе и путем эмиграции [1]. Так, результаты исследований подтверждают связь этнической идентичности с эмиграционными установками [12; 15]: факторами формирования эмиграционной активности может выступать принадлежность к этническому меньшинству и степень воспринимаемой дискриминации. Выраженная гражданская идентичность, как осознание своей тождественности с гражданской общностью и значимость членства в ней, способна сдерживать процесс формирования эмиграционных намерений [17], тогда как высокая неопределенность гражданской идентичности, наоборот, может их усиливать [16]. В свою очередь, выраженная глобальная идентичность, как отождествление себя с человечеством и разделение космополитических ценностей, способна стимулировать развитие эмиграционных намерений [10]. Таким образом, этническая, гражданская и глобальная идентичности являются психологическими конструктами, которые могут способствовать или препятствовать формированию эмиграционной активности молодежи.

Проведенный анализ исследований показывает, что в большинстве работ внимание уделяется изучению этнической, гражданской и/или глобальной идентичностей как отдельных факторов эмиграционной активности. Проводя обзор, мы не встретили исследований, рассматривающих эти предикторы во взаимосвязи (как систему детерминант) и при этом дифференцированно оценивающих вклад отдельных компонентов идентичностей в эмиграционную активность молодежи. По нашим данным, отсутствуют также научные работы, в которых представлен кросскультурный анализ компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей как предикторов эмиграционной активности молодежи стран постсоветского пространства, культура которых имеет как сходные, так и отличные черты, обусловленные сходством и различиями в их исторических судьбах. В контексте вышесказанного интерес представляет изучение особенностей связи системы когнитивных и эмоциональных компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей с эмиграционными намерениями и поведением по реализации этих намерений у молодежи Беларуси, Казахстана и России. После распада союзного государства эти страны, с одной стороны, стремились к сохранению тесных социально-экономических и культурных связей (о чем говорит создание таможенного союза, единого экономического пространства и др.). С другой стороны, в каждой из этих стран, избравшей собственный исторический путь развития, сложились свои политические, экономические, социокультурные реалии, которые не могли не повлиять на социализацию молодых людей, на их идентичность и устремления [3; 4; 9]. В связи с этим интерес представляет поиск ответа на вопрос: существуют ли различия в связях эмиграционной активности молодежи Беларуси, Казахстана и России с когнитивными и эмоциональными компонентами их этнической, гражданской и глобальной идентичностей?

Методика

Выборка и процедура исследования. Выборку составили 208 студентов из Беларуси (75% девушек), 200 — из Казахстана (74% девушек) и 250 — из России (75% девушек) в возрасте от 18 до 25 лет. Средний возраст (стандартное отклонение) по белорусской выборке равен 19,80 (1,91), по казахстанской — 20,54 (1,89), по российской — 20,03 (1,51). Среди российских респондентов 87% относят себя к русским, среди казахстанских — 54% относят себя к казахам и среди белорусских респондентов 94% идентифицировали себя как белорусы. В исследовании приняли участие студенты различных направлений специализации (гуманитарное, техническое, экономическое), обучающихся в белорусских вузах Минска, Витебска, Гродно; казахстанских вузах Нур-Султана, Павлодара, Усть-Каменогорска; российских вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Смоленска, Омска, Хабаровска.

Сбор эмпирических данных проходил в онлайн-режиме на платформе anketolog.ru в период с января 2021 по апрель 2021 года.

Методики измерения. Оценка эмиграционной активности молодежи осуществлялась с помощью 6 утверждений, разработанных на основе теории планируемого поведения А. Айзена и основных принципов конструирования методик [13; 14]: 3 утверждения были направлены на выявление степени выраженности эмиграционного намерения («Я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну», «Я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну», «Я готов(а) в ближайшие 5 лет переехать за границу»), а 3 утверждения — на оценку поведения по реализации эмиграционного намерения («Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу», «В настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда», «Я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за границу»). Респондентам предлагалось выразить степень согласия с данными утверждениями по 6-балльной шкале (от 1 — абсолютно не согласен(на) до 6 — абсолютно согласен(на)). Показатели α -Кронбаха по шкалам (среднее по трем утверждениям) «Эмиграционное намерение» и «Поведенческие проявления по реализации эмиграционного намерения»: 0,90/0,86 (Беларусь); 0,91/0,89 (Казахстан); 0,88/0,87 (Россия).

Для измерения этнической идентичности использовалась «Методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности» А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой [11], включающая две шкалы, позволяющие оценить эмоциональную окрашенность этнической идентичности и то, насколько ясно индивид осознает себя представителем своего этноса. Анализ надежности-согласованности шкал «Валентность этнической идентичности» и «Определенность этнической идентичности» продемонстрировал приемлемые показатели α -Кронбаха для трех выборок соответственно: Беларусь — 0,64/0,57, Казахстан — 0,60/0,59 и Россия — 0,65/0,59.

Гражданская и глобальная идентичности измерялись с помощью методики «Идентификация с человечеством» (IWAH) С. МакФарленда [8], состоящей из 9 вопросов, на каждый из которых предлагалось пять ответов, построенных по типу шкалы Ликерта и отражающих отношение респондентов: 1) к гражданам страны и 2) человечеству в целом. Методика включает две субшкалы: первая измеряет когнитивный компонент, а вторая — аффективный компонент идентичности. Значения α -Кронбаха для шкал «Когнитивный компонент гражданской идентичности» и «Аффективный компонент гражданской идентичности», а также «Когнитивный компонент глобальной идентичности» и «Аффективный компонент глобальной идентичности», составили соответственно: для белорусской выборки — 0,82/0,85/0,79/0,83; для казахстанской — 0,83/0,88/0,87/0,85; для российской — 0,79/0,84/0,74/0,83.

Обработка и анализ данных осуществлялись с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 23 и программы IBM SPSS Amos 23. Применялись методы описательной статистики, проводился анализ надежности шкал (коэффициент α -Кронбаха), анализ различий (t-критерий Стьюдента) и мультигрупповое моделирование структурными уравнениями (MGSEM). В качестве зависимых переменных выступили эмиграционное намерение и поведение по реализации эмиграционного намерения, моделируемые как два латентных фактора, каждый из которых был представлен тремя измеренными переменными. Для каждой зависимой переменной были построены отдельные модели. Предикторами в моделях выступили когнитивные и эмоциональные компоненты глобальной, гражданской и этнической идентичностей. Моделирование осуществлялось при контроле переменных (пол, возраст, материальное положение, национальность, уровень религиозности, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, наличие социальных связей за границей), имеющих статистически значимые регрессионные связи с зависимыми и независимыми переменными, включенными в модель. Процедура контроля предполагала поочередное проведение множественного регрессионного анализа для всех основных переменных, в котором в качестве предикторов выступили контролируемые переменные. В процессе множественного регрессионного анализа были сохранены нестандартизированные регрессионные остатки ос-

новных переменных исследования, которые и использовались в качестве переменных в мультигрупповом моделировании структурными уравнениями.

Результаты исследования

Выявлены статистически значимые различия в степени выраженности эмиграционных намерений и поведения по его реализации у студентов из России в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана (табл. 1).

Российские студенты в меньшей степени, чем белорусские ($p=0,01$) и казахстанские ($p=0,01$), склонны планировать в ближайшие 5 лет переезд в другую страну. Наряду с этим у россиян в меньшей степени по сравнению с белорусами и казахстанцами выражено поведение по реализации эмиграционного намерения, а именно: разработка плана действий для переезда ($p=0,01/p=0,02$); поиск информации о стране предполагаемой эмиграции ($p=0,00/p=0,02$); взаимодействие с людьми, которые могут помочь в переезде ($p=0,04/p=0,02$). У белорусских и казахстанских студентов статистически значимых различий по данным параметрам не выявлено. В то же время, согласно средним значениям, эмиграционные намерения имеют большую выраженность, нежели поведенческие проявления эмиграционной активности во всех трех выборках.

Анализ степени выраженности компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей

Таблица 1

Описательные статистики

Переменные	Min	Max	Беларусь ¹ N=208		Казахстан ² N=200		Россия ³ N=250	
			M	SD	M	SD	M	SD
Этническая идентичность								
Определенность	1	6	4,79	0,94	4,96	1,06	4,83	0,91
Валентность	1	6	4,61 ^{2,3}	1,09	5,09 ¹	1,04	5,12 ¹	0,92
Гражданская идентичность								
Когнитивный компонент	5	20	14,04 ³	3,45	14,10 ³	3,72	13,24 ^{1,2}	3,33
Аффективный компонент	5	25	17,86 ³	4,23	18,07 ³	4,38	16,57 ^{1,2}	4,02
Глобальная идентичность								
Когнитивный компонент	5	20	12,57 ²	3,53	13,29 ^{1,3}	3,65	12,38 ²	3,22
Аффективный компонент	5	25	17,06 ²	4,25	18,10 ^{1,3}	4,21	17,04 ²	4,16
Эмиграционное намерение								
1. Я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну	1	6	3,14 ³	1,52	3,16 ³	1,65	2,80 ^{1,2}	1,37
2. Я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну	1	6	3,53	1,70	3,55	1,75	3,26	1,56
3. Я готов(а) в ближайшие 5 лет переехать за границу	1	6	3,12	1,71	3,06	1,86	2,85	1,66
Поведение по реализации эмиграционного намерения								
4. Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу	1	6	2,58 ³	1,57	2,55 ³	1,60	2,21 ^{1,2}	1,33
5. В настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда	1	6	2,86 ³	1,68	2,78 ³	1,73	2,43 ^{1,2}	1,47
6. Я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за границу	1	6	2,22 ³	1,33	2,26 ³	1,45	1,96 ^{1,2}	1,27

Примечание: «¹» «²» «³» — номер группы, с которой обнаружены статистически значимые различия (t-критерий Стьюдента).

(табл. 1) показал, что белорусские студенты менее позитивно относятся к своей этнической принадлежности по сравнению с казахстанскими ($p=0,00$) и российскими ($p=0,00$) студентами. Казахстанцы и белорусы в большей степени, нежели россияне, отождествляют себя с гражданами своей страны ($p=0,00/p=0,00$) и более позитивно относятся к своему гражданскому сообществу ($p=0,00/p=0,00$). Наряду с этим казахстанские студенты, по сравнению с

белорусскими и российскими студентами, в большей степени осознают свою тождественность с людьми всего мира ($p=0,04/p=0,00$) и более положительно оценивают эту тождественность ($p=0,01/p=0,00$).

Различия в характере связей эмиграционных намерений и поведения по реализации этих намерений у студентов трех стран с компонентами их этнической, гражданской и глобальной идентичностей отражены в двух мультигрупповых моделях (рис. 1, 2).

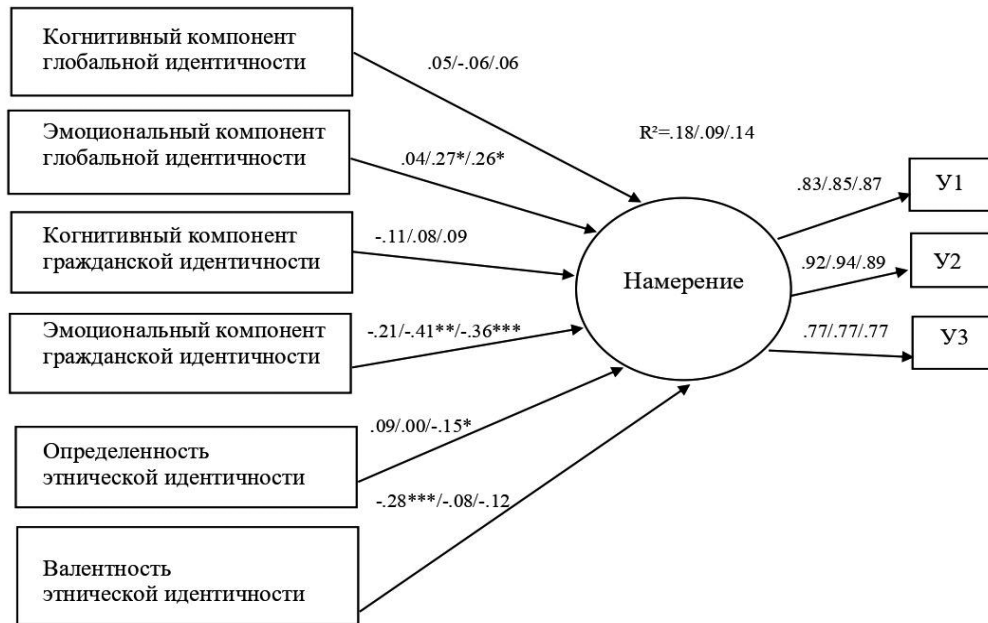

Рис. 1. Мультигрупповая (конфигурационная) модель связи эмиграционных намерений и компонентов глобальной, гражданской и этнической идентичностей у студентов Беларуси/Казахстана/России: Y1 – «Я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну», Y2 – «Я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну», Y3 – «Я готов(а) в ближайшие 5 лет переехать за границу»; «*» – $p<0,05$; «**» – $p<0,01$; «***» – $p<0,001$

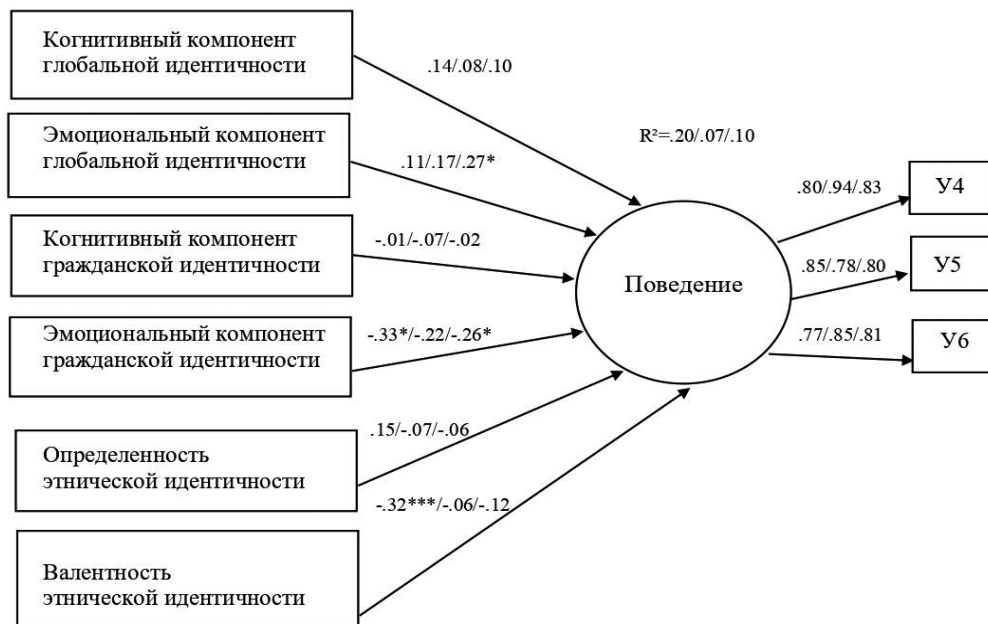

Рис. 2. Мультигрупповая (конфигурационная) модель связи поведения по реализации эмиграционных намерений и компонентов глобальной, гражданской и этнической идентичностей у студентов Беларуси/Казахстана/России: Y4 – «Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу»; Y5 – «В настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда»; Y6 – «Я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за границу»; «*» – $p<0,05$; «***» – $p<0,001$

Все утверждения, оценивающие эмиграционную активность, входят в латентные конструкты со статистически значимыми нагрузками (рис. 1, 2). Обе модели имеют хорошие индексы пригодности (табл. 2, 3). Конфигурационная и метрическая инвариантности присутствуют (ΔCFI не превышает 0,01), что позволяет сравнивать регрессионные связи в выборках исследуемых стран.

Показатели коэффициентов детерминации для моделей трех стран (рис. 1, 2) свидетельствуют о том, что больший вклад в объяснение эмиграционного намерения рассматриваемые предикторы вносят в выборках России и Беларуси, нежели в выборке Казахстана, а поведение по реализации эмиграционного намерения в большей степени обусловлено рассматриваемыми предикторами в белорусской выборке, чем в казахстанской и российской.

Для оценки различий регрессионных связей мы анализировали коэффициенты моделей без ограничений для трех стран. Выявлено, что регрессионные связи между эмиграционными намерениями студентов и рассматриваемыми идентичностями имеют свою специфику во всех трех выборках. У студентов Беларуси предиктором эмиграционных намерений выступает негативная оценка собственной этнической принадлежности ($\beta=0,32$, $p=0,00$). У студентов Казахстана и России эмиграционные намерения связаны с позитивным отношением к глобальному сообществу людей в целом ($\beta=0,27$, $p=0,04$; $\beta=0,26$, $p=0,02$) и негативным отношением к гражданам своей страны ($\beta=-0,41$, $p=0,01$; $\beta=-0,36$, $p=0,00$). Наряду с этим российские студенты с выраженными эмиграционными намерениями имеют размытые представления о собственной этнической принадлежности ($\beta=-0,15$, $p=0,03$).

Регрессионные связи между поведенческими проявлениями эмиграционной активности студентов и рассматриваемыми идентичностями также имеют свою специфику во всех трех вы-

борках. Поведение по реализации эмиграционных намерений у студентов Беларуси связано с отрицательным отношением к гражданам своей страны ($\beta=-0,33$, $p=0,02$) и к собственной этнической принадлежности ($\beta=-0,32$, $p=0,00$). У студентов России данное поведение тоже связано с отрицательным отношением к гражданам своей страны ($\beta=-0,26$, $p=0,02$), но в сочетании с положительным отношением к глобальному сообществу людей в целом ($\beta=0,27$, $p=0,02$). У казахстанских студентов статистически значимых связей в данном случае не обнаружено.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают данные наших предыдущих исследований [6] относительно того, что в большинстве случаев транслируемые современной студенческой молодежью эмиграционные намерения можно отнести к пассивно-предпочитаемой стратегии, которая нечасто реализуется в конкретном поведении. Возможно, это обусловлено спецификой выборки, а именно: текущим статусом учащихся, ориентацией на завершение обучения и откладыванием действий по реализации эмиграционных намерений. Тем не менее обнаруженные различия в выраженности эмиграционной активности у студентов Беларуси и Казахстана в сравнении с российскими студентами могут свидетельствовать о большей неудовлетворенности студенческой молодежи Беларуси и Казахстана теми условиями, в которых они находятся. Основной причиной неудовлетворенности белорусской молодежи, например, может выступать социально-политическая обстановка, сложившаяся в стране после выборов президента в августе 2020 года, которая, как подчеркивают эксперты, характеризуется нестабильностью и затянувшимся кризисом [4].

Таблица 2

Статистики согласия мультигрупповой модели связи эмиграционных намерений с этнической, гражданской и глобальной идентичностями у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	ΔCFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	p
Конфигурационная*	0,999		0,009	289,935	1,000	37,935	36	0,381
Метрическая**	1,000	0,001	0,000	262,509	1,000	54,509	58	0,606

Примечания: CFI – сравнительный индекс согласия; RMSEA – корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; AIC – информационный критерий Акаике; PCLOSE – тест значимости; Chi-square – критерий хи-квадрат; df – число степеней свободы; p – уровень значимости; «*» – конфигурационная инвариантность; «**» – метрическая инвариантность.

Таблица 3

Статистики согласия мультигрупповой модели связи поведения по реализации эмиграционных намерений с этнической, гражданской и глобальной идентичностями у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	ΔCFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	p
Конфигурационная*	0,999		0,012	291,476	1,000	39,476	36	0,317
Метрическая**	1,000	0,001	0,002	266,132	1,000	58,132	58	0,470

Примечания: CFI – сравнительный индекс согласия; RMSEA – корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; AIC – информационный критерий Акаике; PCLOSE – тест значимости; Chi-square – критерий хи-квадрат; df – число степеней свободы; p – уровень значимости; «*» – конфигурационная инвариантность; «**» – метрическая инвариантность.

Обнаруженные в исследовании связи компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей с эмиграционной активностью белорусских, казахстанских и российских студентов имеют как сходства, так и различия. Сходство проявляется в характере связи между эмоциональным компонентом гражданской идентичности и эмиграционной активностью у студентов трех исследуемых стран. Так, уменьшение позитивного отношения студентов к гражданам своих стран и степени отождествления с ними может способствовать развитию эмиграционной активности у студентов. Однако если у казахстанских и российских респондентов эмоциональный компонент гражданской идентичности является предиктором эмиграционных намерений, то у белорусских респондентов он выступает предиктором поведения по реализации этого намерения. То есть у белорусских студентов низкая степень отождествления себя с гражданами страны способствует проявлению не пассивно-предпочитаемой, а активно-реализуемой эмиграционной стратегии. В целом, полученные результаты свидетельствуют об универсальной значимой роли позитивной оценки собственной гражданской принадлежности для предупреждения эмиграционной активности. Эти результаты вполне ожидаемы и согласуются с данными других исследований, согласно которым за границу уезжают молодые люди со слабой степенью отождествления себя с гражданами своей страны и низким уровнем гражданской активности [3].

Обратимся к обсуждению различий в предикторах эмиграционной активности молодежи трех стран. На выборке белорусских студентов не обнаружено связей компонентов глобальной идентичности с эмиграционной активностью. Однако сходный характер связи между чувством общности со всем человечеством и эмиграционной активностью выявлен у студентов Казахстана и России: увеличение положительной идентификации с людьми всего мира сопровождается увеличением их эмиграционной активности. При этом эмоциональный компонент глобальной идентичности у казахстанских студентов связан только с эмиграционными намерениями, а у российских студентов — и с намерением, и с поведением по его реализации (т. е. выступает предиктором активно-реализуемой эмиграционной стратегии). Таким образом, у российских студентов положительная идентификация с людьми всего мира может способствовать формированию не только *намерений* эмиграции, но и *действий* по их реализации, чего не обнаружено у казахстанских и белорусских студентов.

В то же время только у белорусских студентов выявлена связь между эмоциональным компонентом этнической идентичности и эмиграционной активностью: уменьшение привязанности к своей этнической группе может способствовать формированию у белорусских студентов как эмиграционных намерений, так и поведения по его реализации. Эти данные

соотносятся с результатами исследования, согласно которому у современных белорусских студентов отмечается неактуальность этничности и уход «...от собственной культурной группы в поисках устойчивых социально-психологических групп вне этнического критерия» [5, с. 135]. Данная тенденция к размыванию этнической идентичности у белорусской студенческой молодежи может стимулировать рост эмиграционной активности, как в форме пассивно-предпочитаемой, так и в форме активно-реализуемой стратегии. В свою очередь, только у российских студентов выявлена связь эмиграционных намерений с неопределенностью этнической идентичности: нечеткие представления о собственной этнической принадлежности могут стимулировать поиск групп для самоидентификации, в том числе и путем формирования эмиграционных интенций у российской студенческой молодежи. Таким образом, согласно результатам исследования, приоритетную роль в формировании эмиграционной активности студенческой молодежи трех стран играют эмоциональные, а не когнитивные компоненты этнической, гражданской и глобальной идентичностей.

Заключение

Результаты исследования позволяют положительно ответить на вопрос, поставленный в начале статьи. Действительно существуют различия в связях эмоциональных и когнитивных компонентов этнической, гражданской, глобальной идентичностей и эмиграционной активности у белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи. Обнаруженное отсутствие единства в системе факторов эмиграционной активности у студентов Беларуси, Казахстана и России подтверждает значимость учета гражданского и социокультурного контекстов при организации работы по профилактике эмиграционной активности молодежи и сохранению ценного человеческого капитала внутри стран.

Несмотря на некоторые ограничения (корреляционный дизайн, в выборке преобладают девушки, данные получены на основании самоотчетов), результаты исследования могут быть использованы в сфере молодежной политики с целью прогнозирования и профилактики эмиграционной активности студентов, предупреждения массовой эмиграции молодежи трех стран. Научная значимость полученных результатов обусловлена приращением знания в области анализа проявлений различных социально-психологических феноменов у граждан стран постсоветского пространства. Дополнительный научный и практический вклад может быть внесен в дальнейшем в результате сравнительного анализа рассматриваемой системы предикторов эмиграционной активности у студентов и представителей других социально-демографических групп населения стран постсоветского пространства.

Литература

1. Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов из стран средней Азии и Казахстана в России // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 306–315.
2. Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 165–181. DOI:10.17759/sps.2020110412
3. Дергунова Н.В., Лукафина Д.А. Гражданская идентичность российской молодежи в условиях миграции // Власть. 2017. Том 25. № 10. С. 91–96.
4. Дырина А. Власть и оппозиция в Беларуси // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2021. № 60(76). С. 22–27.
5. Казаренков В.И., Карпелович М.М. Связь этнической идентичности и самопрезентации студентов разных культурных групп в межличностном взаимодействии // Психолого-педагогический поиск. 2020. № 2(54). С. 133–143. DOI:10.37724/RSU.2020.54.2.013
6. Мурашченкова Н.В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 77–93. DOI:10.17759/sps.2021120106
7. Мурашченкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н. Кросс-культурное исследование социального-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи: научно-методический аспект // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер / Под ред. Е.Л. Михайловой. Витебск: Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 2021. С. 48–51.
8. Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Том 2. № 4(8). С. 145–185.
9. Нысанбаев А.Н., Бурова Е.Е., Сайлаубекқызы А. Особенности идентичности казахстанцев в условиях поликультурного общества // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 37–47. DOI:10.31857/S013216250005791-3
10. Сычев О.А., Белоусов К.И., Зелаянская Н.Л., Аношкин И.В. Миграционные установки россиян: роль идентичности и моральных оснований // Психологический журнал. 2021. Том 42. № 3. С. 52–63. DOI: 10.31857/S020595920015193-8
11. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 163 с.
12. Agadjanian V., Nedoluzhko L., Kumskov G. Eager to Leave? Intentions to Migrate Abroad among Young People in Kyrgyzstan // International Migration Review. 2008. Vol. 42. № 3. P. 620–651. DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00140.x
13. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).
14. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50. № 2. P. 179–211. DOI:10.1016/0749-5978(91)90020-T
15. Caron L. An Intergenerational Perspective on (Re)Migration: Return and Onward Mobility Intentions across Immigrant Generations // International

References

1. Gritsenko V.V. Russkie sredi russkikh: problemy adaptatsii vynuzhdennykh migrantov iz stran srednei Azii i Kazakhstana v Rossii [Russians among Russians: problems of adaptation of forced migrants from Central Asian countries and Kazakhstan to Russia]. In Lebedeva N.M. (ed.), *Etnicheskaya psikhologiya i obshchestvo* [Ethnic psychology and society]. Moscow: Staryi sad, 1997, pp. 306–315. (In Russ.).
2. Gritsenko V.V., Ostapenko L.V., Subbotina I.A. Znachimost' grazhdanskoi, etnicheskoi i regional'noi identichnosti dlya zhitelei malyx rossiiskikh gorodov i ee determinanty [The Importance of Civil, Ethnic and Regional Identity for Residents from Small Russian Towns and its]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 165–181. DOI:10.17759/sps.2020110412 (In Russ.).
3. Dergunova N.V., Lukafina D.A. Grazhdanskaya identichnost' rossiiskoi molodezhi v usloviyakh migratsii [Civil Identity of Russian Youth in Conditions of Migration]. *Vlast' [Power]*, 2017. Vol. 25, no. 10, pp. 91–96. (In Russ.).
4. Dyrina A. Vlast' i oppozitsiya v Belarusi [Power and opposition in Belarus]. *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy* [European security: events, assessments, forecasts], 2021, no. 60 (76), pp. 22–27. (In Russ.).
5. Kazarenkov V.I., Karpelovich M.M. Svyaz' etnicheskoi identichnosti i samoprezentatsii studentov raznykh kul'turnykh grupp v mezhlchnostnom vzaimodeistvii [Communication of ethnic identity and self-presentation of students of different cultural groups in interpersonal interaction]. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk* [Psychological and pedagogical search], 2020, no. 2 (54), pp. 133–143. DOI:10.37724/RSU.2020.54.2.013 (In Russ.).
6. Murashchenkova N.V. Vzaimosvyaz' tsennostei i emigratsionnykh namerenii studencheskoi molodezhi g. Smolenska [Interrelation of Values and Emigration Intentions of Student's Youth of Smolensk]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 77–93. DOI:10.17759/sps.2021120106 (In Russ.).
7. Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Efremenkova M.N. Kross-kul'turnoe issledovanie sotsial'no-psikhologicheskogo prostranstva emigratsionnykh namerenii molodezhi: nauchno-metodicheskii aspekt [Cross-cultural study of the socio-psychological space of youth emigration intentions: scientific and methodological aspect]. In Mikhailova E.L. (ed.), *Povyshenie kachestva professional'noi podgotovki spetsialistov sotsial'noi i obrazovatel'noi sfer* [Improving the quality of professional training of specialists in the social and educational spheres]. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P.M. Masherova, 2021, pp. 48–51. (In Russ.).
8. Nestik T.A. Global'naya identichnost' kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen: teoretiko-empiricheskoe issledovanie [Global identity as a socio-psychological phenomenon: theoretical and empirical research]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology], 2017. Vol. 2, no. 4 (8), pp. 145–185. (In Russ.).
9. Nysanbaev A.N., Burowa E.E., Sailaubek zyy A. Osobennosti identichnosti kazakhstantsev v usloviyakh polikul'turnogo obshchestva [Special aspects of Kazakhstanis' identity in the context of multicultural society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2019, no. 7, pp. 37–47. DOI:10.31857/S013216250005791-3 (In Russ.).

- Migration Review. 2020. Vol. 54. № 3. P. 820–852. DOI:10.1177/0197918319885646
16. Jung J., Hogg M.A., Livingstone A.G., Choi H. From uncertain boundaries to uncertain identity: Effects of entitativity threat on identity–uncertainty and emigration // *Journal of Applied Social Psychology*. 2019. Vol. 49. № 10. P. 623–633. DOI:10.1111/jasp.12622
17. Marrow H., Klekowski von Koppenfels A. Modeling American Migration Aspirations: How Capital, Race, and National Identity Shape Americans' Ideas about Living Abroad // *International Migration Review*. 2020. Vol. 54. № 1. P. 83–119. DOI:10.1177/0197918318806852
18. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations* / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall. 1986. P. 7–24.
19. Tjaden J., Auer D., Laczko F. Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use // *International Migration*. 2019. Vol. 57. № 1. P. 36–57. DOI:10.1111/imig.12502
10. Sychev O.A., Belousov K.I., Zelyanskaya N.L., Anoshkin I.V. Migratsionnye ustanovki rossiyan: rol' identichnosti i moral'nykh osnovanii [Attitudes toward migration in Russian: role of social identity and moral foundations]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2021. Vol. 42, no. 3, pp. 52–63. DOI:10.31857/S020595920015193-8 (In Russ.).
11. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Metody etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: NIU VShE, 2011. 163 p. (In Russ.).
12. Agadjanian V., Nedoluzhko L., Kumskov G. Eager to Leave? Intentions to Migrate Abroad among Young People in Kyrgyzstan. *International Migration Review*, 2008. Vol. 42, no. 3, pp. 620–651. DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00140.x
13. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. Available at: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf>. (Accessed 20.02.2022).
14. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991. Vol. 50, no. 2, pp. 179–211. DOI:10.1016/0749-5978(91)90020-T
15. Caron L. An Intergenerational Perspective on (Re) Migration: Return and Onward Mobility Intentions across Immigrant Generations. *International Migration Review*, 2020. Vol. 54, no. 3, pp. 820–852. DOI:10.1177/0197918319885646
16. Jung J., Hogg M.A., Livingstone A.G., Choi H. From uncertain boundaries to uncertain identity: Effects of entitativity threat on identity–uncertainty and emigration. *Journal of Applied Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 10, pp. 623–633. DOI:10.1111/jasp.12622
17. Marrow H., Klekowski von Koppenfels A. Modeling American Migration Aspirations: How Capital, Race, and National Identity Shape Americans' Ideas about Living Abroad. *International Migration Review*, 2020. Vol. 54, no. 1, pp. 83–119. DOI:10.1177/0197918318806852
18. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. In Worchel S., Austin W.G. (eds.), *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson-Hall. 1986, pp. 7–24.
19. Tjaden J., Auer D., Laczko F. Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use. *International Migration*, 2019. Vol. 57, no. 1, pp. 36–57. DOI:10.1111/imig.12502

Информация об авторах

Мураценкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3345-6789>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Ефременкова Мария Николаевна, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, e-mail: mnemema@yandex.ru

Калинина Наталья Валентиновна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (ФГБОУ ВО «РГУ имени А.Н. Косыгина»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3619-7215>, e-mail: kalinata66@mail.ru

Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей психологии, Пензенский государственный университет (ФГБОУ ВО «ПГУ»), г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Кулеш Елена Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет (ФГБОУ ВО «ТОГУ»), г. Хабаровск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО «СПбГУ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X> e-mail: gurievsv@gmail.com

Маленова Арина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, (ФГБОУ ВО «ОмГУ имени Ф.М. Достоевского») г. Омск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>, e-mail: malyonova@mail.ru

Information about the authors

Nadezhda V. Murashchenkova, PhD in Psychology, Research Fellow, Centre for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3345-6789>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Maria N. Efremenkova, Postgraduate Student of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, e-mail: mnemema@yandex.ru

Natalia V. Kalinina, Doctor of Psychology, Head of the Department of Psychology, The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3619-7215>, e-mail: kalinata66@mail.ru

Elena V. Kulesh, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Vsevolod V. Konstantinov, Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1443-3195>, e-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Svetlana D. Gurieva, Doctor of Psychology, Head of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: [0000-0002-4305-432X](https://orcid.org/0000-0002-4305-432X), e-mail: gurievsv@gmail.com

Arina Yu. Malenova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5778-0739>, e-mail: malyonova@mail.ru

Получена 05.03.2022

Принята в печать 25.08.2022

Received 05.03.2022

Accepted 25.08.2022